

Олег Юрьевич Рой

Повторный брак

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8380941
Повторный брак / Олег Рой: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-67111-3

Аннотация

Анна в поисках лучшей жизни легко рассталась со своим мужем Сергеем. И когда подруга Маша «подобрала» брошенного супруга, Анечка даже обрадовалась – пусть дорогие сердцу люди окажутся счастливы. Но взгляд на жизнь резко изменился у Анны после того, как она нанесла плановый визит к врачу. Ей вдруг позарез оказались нужны и бывший муж, и лучшая подруга в прежних своих ролях, а не в статусе новой семейной пары. Можно легко догадаться, что же произошло в стенах клиники. Но разве можно догадаться, что неожиданные события твоей жизни оказались... запланированными одним модным писателем, претерпевающим творческий кризис.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Рой

Повторный брак

© Резепкин О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Глава 1

Когда уходит вдохновение

Голубое око компьютера, не мигая, с немым укором взирало на Семена. В прямом смысле слова, поскольку на странице 52 были набраны всего лишь три верхних строчки, а дальше – голубое, девственно чистое поле, полная пустота. Экран словно бы взывал немедленно заполнить эту пустоту, и Семен не на шутку начал испытывать угрызения совести. Только этого еще не хватало ко всем прочим нерадостным ощущениям, которые он переживал в последнее время.

А ведь поначалу новая книга пошла так легко! Слово за словом нанизывалось на затейливый изящный сюжет, и он так торопился записать невесть откуда появляющиеся фразы, что пальцы иногда промахивались мимо клавиш и приходилось усилием воли осаждать их прыть, чтобы записать все точно и исправить опечатки. Его буквально лихорадило от прилива вдохновения. Мысль неслась вперед, как конь-фаворит на скачках. Пальцы барабанили по клавиатуре без устали, стараясь угнаться за стремительной мыслью, запечатлеть все ее оттенки. Казалось, этому не будет конца.

И вдруг – облом! До финишной прямой еще писать и писать, а мысль испарилась, исчезла, унеслась неведомо куда, оставив его один на один с голубоглазым электронным чудовищем, которое настойчиво требовало пищи. Источник буйной фантазии Семена неожиданно иссяк. А именно его стараниями молодая очаровательная женщина загнана в угол, откуда ей нет выхода. А ведь он успел ее полюбить, наделить многими необыкновенными качествами, которыми должна обладать его любимая женщина, и сам же ее и погубил. Теперь она прозябает на задворках его незаконченного романа, а он, этакий Пигмалион-недоучка, не знает, какую долю ей уготовить. Оставить на произвол судьбы? Но тогда нужна неожиданная и эффектная концовка. Или попытаться спасти несчастную и вывести к свету? Но в том-то и беда, что путь ее спасения Семену был неведом.

Он отчетливо понял одно: вдохновение его покинуло. Впервые с тех пор, как он стал писать. Семен знал, что у писателей бывают периоды, когда они часами сидят за столом, мучаясь отсутствием вдохновения. Называется такое состояние творческим застоем или творческим кризисом. Но его до сих пор Бог как-то миловал. Наоборот, Семен буквально фонтанировал идеями, и у него была лишь одна забота – успеть зафиксировать их, облечь в слова, не упустить удачную мысль и все время развивать сюжет.

Семен тяжело вздохнул и открыл толстый ежедневник, подарок брата, с тиснением на синем переплете слова «Volvo». Кто-то из благодарных пациентов, видимо, владелец машины «Вольво», подарил брату эту фирменную тетрадищу. Семен записывал туда свои замыслы, удачные фразы, наброски к будущим своим книгам. Перелистывая страницы, Семен мысленно повторял: «Не то, не то...» Что-то он уже успел использовать, а все остальное для этого сюжета совершенно не годилось. Порыться, что ли, в других тетрадях, которых накопилось немало...

Семен в каком-то тупом оцепенении уставился в окно невидящим взглядом. Голова казалась абсолютно пустой. В животе неожиданно заурчало от голода. Проплыла вялая ничтожная мысль: «Поесть бы...».

Холодильник тоже не порадовал ничем приятным. Нельзя сказать, чтобы он был пуст. Кое-что на его полках имелось, но совсем не воодушевляло. Сплошь консервные банки, а это, как говорится, не фонтан. А у мамочки небось в это время на плите стоят кастрюльки, и она священнодействует над ними, поскольку любит вкусно поесть и обожает готовить. Вот такое счастливое совпадение, как говорят в надоевшей рекламе, – два в одном.

Семен решительно выключил компьютер и встал из-за стола. Раз уж такая непруха, лучше исполнить сыновний долг и навестить родительское гнездо. Он там не показывался уже неделю. Мама опять пошутит: «На запах пришел?..»

Он провел рукой по щеке – не мешало бы побриться. Бабушка, хоть и подслеповата, всегда замечает, когда он небрит. И выражает свое «фэ» укоризненным взглядом. Иногда и по щеке может легонько хлопнуть. Сугубо в воспитательных целях. Не признает она эту новомодную трехдневную щетину, которой щеголяют стильные мужчины. Особенно ее раздражали публичные люди – артисты, политики, телеведущие, которые, по ее мнению, должны были подавать совсем другой пример, а не демонстрировать свои неухоженные мохнатые рожи, как будто они предстали на всеобщее обозрение после трехдневной беспробудной пьянки. Или не ночевали дома. Что тоже неприлично. Семен-то из опыта знал, что щетина ему идет, женщины посматривали на него с интересом. Да и демократичная мама советовала ему завести бородку – для солидности. А то вид у него какой-то совсем мальчишеский. Это при его-то высоком росте и фигуре вполне зрелого мужчины! Но нарываться на бабушкино пренебрежительное хмыканье почему-то не хотелось. И Семен стал собираться к своим любимым дамам, как на любовное свидание. Он не даст им повода заподозрить, что с ним происходит что-то неладное. Пусть думают, что он по-прежнему энергичен и успешен, как и полагается модному писателю.

У выхода из подъезда он столкнулся с соседом по лестничной клетке – Колькой, мрачным мужиком, который волок на поводке бультерьера. Отвратительная поросычья рожа пса оскалилась острыми зубами, и Семен в который раз подивился несоответствию свиного рыла и страшных зубов бойцовского пса. В довершение к природному перекосу в создании этой собачьей породы шерсть у бультерьера тоже была по-поросычьи светлой и короткой, как щетина. Сквозь нее просвечивала розовая кожа. Совершенно свиная. Если бы Семен не был воспитан в культурной семье, то непременно плюнул бы вслед этому чудовищу. Чтобы Колька не видел. Тем более что хозяин был под стать своему питомцу – маленькие заплывшие глазки черными сверлящими точками недоверчиво взирали на каждого, кого он встречает на своем пути. Он соседей не любил, хотя это не мешало ему иногда заявляться посреди ночи просить займы. Как раз два дня назад в час ночи позвонил в дверь Семена. Тот через глазок увидел его перекошенную рожу, но дверь все-таки открыл, зная наперед, зачем к нему пожаловал сосед. Колька лыка не вязал и стоял, пошатываясь, как будто его штормило.

– Дай тыщу, сосед, менты повязали. Со двора выезжал, двойную линию пересек, в бордюр на той стороне врезался. Блин, еще и бампер отвалился.

– Когда только успел? – удивился Семен, памятуя, что на улице уже глухая ночь. К тому же он подозревал, что в таком состоянии у Николая не получилось бы даже отличить дверцу машины от двери подъезда.

– Щас, минут десять назад, – коротко ответил Колька. – Дам тыщу ментам – отвалят на фиг. Не дам – права отнимут, потом получай их через суд. А мне завтра к Райке на дачу, харчи отвозить.

– А менты где? – Семен перегнулся через перила, с любопытством оглядев два доступных его взору лестничных пролета. Хотелось, чтобы это ночное приключение выглядело поинтереснее – и менты бы стояли на страже порядка с автоматами наперевес, ожидая небольшую награду за проявленную лояльность.

– Машину стерегут, – разочаровал его сосед вялым голосом и шмыгнул носом.

Колька выглядел хуже некуда. Лицо серое, в испарине, дышал он, как загнанная лошадь. Его передергивало, корежило, того гляди начнутся судороги. «Как бы не помер на пороге!» Семен дал соседу денег, чтобы тот откупился от ментов и поскорее уехал бы на свою дачу. И пса бы увез, можно будет спокойно проходить мимо их квартиры, не рискуя жизнью.

И сейчас, пропуская соседа и псину, Семен подивился живучести Кольки. Морда вполне ничего, как всегда, просит кирпича. А ведь позавчера Семен с ним мысленно уже попрощался... Жалел он только об одном – Колька на даче никогда надолго не задерживался.

Собачьи зубы щелкнули в пяти миллиметрах от ноги Семена. Колька хмуро поздоровался. Визит к Райке явно не поднял ему настроения. О деньгах он тоже не вспомнил. Но Семен особо не беспокоился, деньги сосед всегда возвращал, хотя и не сразу. Наверное, привыкал к ним и с трудом отрывал от себя. Однажды, отдавая очередной долг, он мрачно изрек:

– Вот так всегда. Берешь чужие, отдаешь свои.

И ни слова благодарности. Но у Семена был принцип – людям надо помогать. И в ответ на черную неблагодарность соседа он все-таки продолжал давать ему займы.

Мама, как обычно, обрадовалась сыну, расцеловала его в обе щеки. Из кухни доносился чудный аромат курицы-карри. Мама не так давно научилась готовить курицу по особому рецепту – откровенно говоря, весьма экзотическому. И не спешила осваивать новое блюдо. Никак не могла остановиться, хотела и дальше совершенствоваться. В последнее время, по крайней мере в три последних посещения, запах курицы-карри неизменно встречал Семена, когда он еще только подходил к дверям квартиры.

– На запах пришел? – мама ласково улыбнулась.

– А? Кто пришел? – громко закричала бабушка из своей комнаты и выкатилась встречать младшего внука в сверкающем никелем инвалидном кресле.

Семен поспешил ее обнять, бабушка на мгновение прижалась щекой к его щеке. «Не зря брился...», – подумал внук. На большие сантименты он и не рассчитывал.

– Что за парфюм у тебя? Новый? Я что-то такого не знаю! – сразу учуяла бабушка незнакомый запах.

– «Булгари», мужской вариант.

Семена забавляло, как бабушка, невзирая на свои, мягко говоря, весьма преклонные годы, интересовалась парфюмерными новинками. На ее туалетном столике красовалась целая коллекция изящных бутылочек и пузырьков. Подобная ее страсть к ароматам сильно облегчала проблему подарков к Новому году, Рождеству, дню рождения и женскому дню. Главное, нужно было найти какую-нибудь хитовую новинку, изготовленную парфюмерной промышленностью Франции или Италии. Бабушка отдавала предпочтение именно этим странам. Духи она собирала со страстью, присущей настоящему коллекционеру. И дрожала над своей коллекцией с теми же чувствами. Постоянно протирала пузырьки фланелевой тряпочкой, не допуская даже мысли о том, чтобы доверить кому-нибудь свое богатство. Вот тряпочку вытряхнуть от пыли могла позволить кому угодно, проявляя удивительное легкомыслие. Даже внуку Семену. Хотя он однажды умудрился уронить такую тряпочку, когда рьяно вытряхивал ее в открытую форточку. Переусердствовал. Лоскуток парашютиком плавно спланировал на ветку дерева, да так и остался висеть там, призывно желтея. Бабушка пожурела Семена за небрежность, но особо не огорчилась. Что с него возьмешь, с шалопая эдакого!

Мама накрыла на стол и положила Семену солидную порцию курицы. Она с удовольствием отметила, какой хороший аппетит у ее младшенького. Он исправно работал челюстями, иногда они даже пощелкивали.

– Вкусно, мамуля! – спохватился Семен, что забыл восхититься ее стряпней.

– Ешь, сынок, ешь, наедайся. А то на твоих консервах недолго и язву желудка заработать.

Бабушка тоже ела с отменным аппетитом и тоже похрустывая челюстями. Это похрустывание у них было семейным. Зубные врачи из клиники «Дента-плюс» поначалу пуга-

лись этой особенностью, но и они вскоре попривыкли, когда члены семьи Лодкиных стали их постоянными пациентами.

После обеда завязался непринужденный разговор. Семен вдохновенно врал о своем невиданном творческом подъеме, неожиданных находках в развитии сюжета и удачных деталях, благодаря которым создаваемый им образ героини становится все более живым и совершенным. Говорить о том, что он застрял в самом начале романа, ему не хотелось из суеверия: скажешь вслух – непременно так и будет. А промолчишь – может, еще как-то и образуется.

Бабушка подкрутила колесико слухового аппарата на полную мощность и с интересом слушала внука. Неожиданно она перебила его:

– Ты не очень-то увлекайся этим своим совершенным образом. Прямо ангел какой-то во плоти. Идеальных женщин в природе нет. Пора бы тебе это знать, если ты до сих пор этого не понял, – со значением добавила она. – Впрочем, как нет и идеальных мужчин. Что весьма прискорбно.

Она поджала губы, помолчала, что-то вспоминая, затем продолжила:

– Помню, был у меня один поклонник, еще когда мы жили в Иркутске. Когда мой папа там налаживал новое дело. И вот в меня влюбился богатый китаец, Чжоу его звали. Да, Чжоу... Красивый! – мечтательно протянула она своим слегка дребезжащим голосом. – И ухаживал он тоже красиво. Как ни придет – цветы и конфеты обязательно. В черном костюмчике, белоснежной рубашечке, галстук – каждый раз новый... Усики тоненькие, глаза сияющие... Прямо восточный принц. Молодой совсем, ему тогда едва двадцать четыре года минуло.

– А тебе тогда сколько лет было, бабуля? – заинтересовался Семен. Как настоящий писатель-профессионал он впитывал в себя все интересное с дальним прицелом, использовать при случае в какой-нибудь будущей книге. Историю о китайском поклоннике бабушки он слышал впервые и тут же наострил уши.

– Пятнадцать лет. Я была такая хорошенькая! – все тем же мечтательным тоном протянула бабушка. – Он все ходил, ходил... Даже с папой уже переговаривал, что мечтает на мне жениться, когда я постарше стану. Целый год ходил. Я в него, признаюсь, тоже влюбилась. До чего обаятельный он был, культурный, образованный! И такой хваткий, деловой, его отец собирался ему свое дело передать. И вдруг мне подружка говорит, что видела его в компании с одной женщиной, которая слыла у нас особой весьма легкомысленной. Я не поверила, даже рассорилась с ней. Как оказалось, зря. И вторая подружка его с ней видела, рассказала мне, как та смеялась, заливалась, а он ее нежно под локоток держал.

– А ты что же, бабуля?

– От дома отказала! – гордо встряхнула седыми бровями старушка.

– А вдруг подружки тебе наврали? Из элементарной женской зависти. Твоему счастью позавидовали.

– Семочка, увы, не наврали они. Он сам мне признался, что это его старая... связь. Умолял войти в его положение. Дескать, он взрослый мужчина, а ждать три года, пока папенька наш брак благословит, слишком долго. Раскаивался, чуть не плакал. Просил меня уговорить папеньку свадьбу раньше сыграть. Клялся, что все сделает, чтобы я его простила. Говорил, что только меня одну любит. Но я ему гордо ответила, что после этой ветреной женщины он мне не нужен. А вскоре мы вернулись в Москву. У меня на память от него только фотография осталась. Да-а, память о нем. Мы в Иркутске, это было еще до ссоры с ним, всей семьей решили сняться, к нам фотограф на дом приехал. И Чжоу у нас как раз в гостях был. Все вместе и снялись. Не зря в народе говорят, что до свадьбы нельзя сниматься вместе, к разлуке это... – вспомнила бабуля народное поверье и пригорюнилась.

– Бабуль, покажи мне фотографию, – оживился Семен. – Я что-то такой не помню.

Бабушкин рассказ о ее первой любви показался ему очень интересным. А экзотический жених, сын китайского промышленника, и вовсе просился хоть на какую-нибудь эпизодическую роль в книгу.

– Неужели тебе это интересно, Семочка? – Бабушке было приятно, что внука увлекла ее история из далекого прошлого. – Тогда иди в мою комнату, там в шкафчике, в нижнем ящичке, стоит резная коробочка, в ней и лежит фотография Чжоу. Я ее никогда в альбоме с остальными фотографиями не держала, вот ты ее и не видел. Обиделась я тогда на него очень. А потом переживала долго, тосковала.

Со старинной фотографии, наклеенной на толстый картон, на Семена взирали лица людей, живших в прошлом веке. Он отметил, что они очень отличались от современных какой-то чистотой и открытостью взгляда. Он всматривался в лицо бабушки – барышни с пышными локонами и огромными ясными глазами. Ее пухлые девичьи губы слегка тронула лукавая улыбка. Молодой красивый китаец стоял рядом, тоненькие усики, несомненно, украшали его. Чуть припухлые веки и характерные узкие глаза выдавали его восточное происхождение. Но в целом лицо было не столь ярко выраженного восточного вида.

– Любопытно... Видно, что китаец, но может сойти и за европейца, – задумчиво произнес Семен в некотором недоумении изучая фотографию. Припухлость век, широковатые скулы... Кого-то ему это лицо напоминает. Но кого? Он так и не смог определить. И это его смущало. Пока он не мог понять, почему.

– Он же полукровка! У Чжоу – отец китаец, но мать-то, русская, дочь известного купца, который пушниной промышлял. Фамилию его я уже запомнила. Поэтому, если бы не разрез глаз, его можно было бы принять и за русского. У него и воспитание европейское, – почему-то вздохнула бабушка.

– Бабуль, не грусти! – решил подбодрить ее внук. – У всех бывает первая любовь. И что-то я не слышал, чтобы она оказалась единственной и последней. А если подумать, то почему-то она чаще всего бывает с драматическим финалом.

– И у меня первая любовь тоже закончилась драматично, – подала голос мама.

– Это ты Илью вспомнила? – уточнила бабушка.

– Мамочка, какой Илья? О чем ты говоришь! Я его никогда не любила.

– А почему же рыдала, когда я однажды не отпустила тебя к нему на свидание? Когда ты двойку получила по истории, помнишь?

– Про двойку не помню. А что ты меня не пустила, помню. А рыдала не от любви, а от обиды. Потому что ты тогда ущемляла мою свободу, – обиженно ответила злопамятная дочь-пенсионерка.

– Доченька, что ты такое говоришь?! – всплеснула руками бабушка. – Когда это я тебя ущемляла?

Семен уже от души хохотал, слушая перепалку девяностолетней бабушки и ее семидесятилетней дочери, которые вспоминали события полувековой давности с одинаковой обидой.

– Мамуля, ты лучше поведай нам о той давней драматической любви, чем перечить своей матушке, – наконец попытался он успокоить своих женщин.

Мама тут же переключилась на сына. Слава богу, у нее был легкий характер и она не умела долго заикливаться на чем-то неприятном.

– На самом деле я была влюблена не в Илью, – она метнула обиженный взгляд на бабушку, – а в мальчика Вадика Гелецкого, он в десятом классе учился, а я в девятом. Такой красивый мальчик был, все девочки по нему сохли. Высокий, стройный, лицо смуглое, глаза большие, карие, брови дугой... – начала она описывать красоту своей первой любви. – А он за мной стал ухаживать.

– Еще бы, – не удержалась бабушка, – ты была самой красивой девочкой в школе.

– Нет, – скромно потупила глазки мама, – Вика Соколова была самой красивой. В общем, стали мы с Вадиком дружить. В кино вместе ходили, на танцы, в парке за ручку гуляли.

– Целовались? – деловито поинтересовался сын. История маминой любви показалась ему пресноватой, хотелось добавить в нее немного страсти.

– Ты что, сынок? Какие еще поцелуи? Мы всего три месяца встречались.

– Ты серьезно, ма? Три месяца тебе кажется недостаточным сроком для более близких отношений?

– Семочка, что ты говоришь? – опять всплеснула руками бабушка. – Это же безнравственно! Ей тогда едва минуло пятнадцать, она еще школьницей была, ребенком! Это тебе не нынешнее ужасное время, когда на улице молодежь целуется прямо у всех на глазах.

– Дайте мне рассказать, – обиделась на них мама.

– Извини, мамуля, – восторженно Семен, – я просто пока не вижу ничего драматического в твоей истории.

– Я его бросила, вот тебе и драма.

– А за что?

– Да мы с ним все эти три месяца ругались почти на каждом свидании, – махнула рукой мама.

– Правда, что ли? Что-то на тебя это не похоже, – удивился сын.

– Да я и сама не знаю, с чего это мы с ним ссорились каждый раз? То он мои новые босоножки обругал. Помнишь, мамочка, такие плетеные – синие с белым? То часы забрал поносить на два дня, а взамен свои подсунил, неработающие. Говорит: «Смотри, какая красивая картинка на циферблате. Ну и что, что не работают? Зато ни у кого таких нет...». Потом мои часики, правда, вернул. То ему мои губы не нравятся – говорил, что у меня вид надутый, нижнюю губу оттопыриваю. То глаза у меня слишком большие, чего это я таращусь на всех подряд. И почему булку на улице ем – неприлично жевать у всех на виду. А я голодная была, булку себе купила.

– Бедняжка, как ты все эти придирки выдерживала?

– Говорю – красивый был, любила я его.

– Ну и когда же твое терпение лопнуло?

– Да когда через три месяца он вдруг вздумал меня поцеловать. Я так возмутилась! Думаю – вот бабник! Гуляем всего-то ничего, а он такой развратный тип, с поцелуем уже лезет. И ушла от него. Сначала когда он со своим поцелуем полез, я его сильно толкнула. Он так и свалился со скамейки. Я расхохоталась и убежала. Правда, потом плакала, жалко его было. Но уж все – бросила, так бросила. – Мама помолчала, перенеслась мыслями в свою далекую счастливую юность. – И за что я его только любила? – спросила она себя с недоумением.

– А я тебе говорила, – назидательно произнесла бабушка, – не стоит он твоей любви. Будешь вспоминать когда-нибудь и удивляться сама себе.

Семен опять расхохотался, потому как бабушка не упускала случая повоспитывать свою престарелую дочурку и припоминала все ее малейшие промахи. Память у нее была превосходная. Она помнила не только ошибки молодости своей дочери, но и всех ее кавалеров по именам и по годам. В отличие от мамы, которая в них все время путалась, из-за чего у них постоянно происходили споры.

Он стал прощаться.

– Что я могу вам сказать на прощание, дамы? Обе вы падки на мужскую красоту. Что неправильно. Любить надо за душу, а не за красивое личико и тоненькие усики. Надеюсь, когда вы подросли, вы серьезнее стали относиться к своему выбору. А пока целую ручки, дамы, мне пора возвращаться к работе. Меня ждут великие дела, – с пафосом провозгла-

сил Семен и получил на прощание коробочку с небольшой порцией курицы-карри. Они с бабушкой так увлеклись, что в один присест уничтожили почти всю курицу. Правда, мама им активно помогала в данном процессе.

– Береги себя, Семочка! – напонила мама, поправляя на шее сына толстый исландский шарф. Для этого ему пришлось пригнуться, а ей встать на цыпочки.

Получив прощальный поцелуй, Семен направился к лифту.

«Что же у меня в активе?..» – думал Семен, шагая по улице и рассеянно скользя взглядом по лицам пешеходов. Ну, допустим, у него в активе появилась история про китайца, который будил какие-то смутные воспоминания своими припухлыми веками и скуластым лицом. И куда бы его прилепить? Пока совершенно некуда. Во всяком случае, созданный и заброшенный им образ женщины по-прежнему оставался в тоскливом одиночестве на грани жизни и смерти. Семен все больше убеждался в том, что его новый роман прочно застрял на голубом поле компьютера. А издательские сроки? А читатели, которые неблагодарно забудут имя своего любимца? Что-то надо немедленно предпринять. Но что?

Жизнь на улице кипела вовсю, сновал народ, женщины разного возраста гордо несли свою красоту. «И никому нет дела до погруженного в невеселые мысли известного писателя», – с горечью думал Семен о себе в третьем лице. Правда, не такого известного, чтобы его уже узнавали на улице, но все же пять его книг имели определенный успех, а последние три к тому же выпустили дополнительным тиражом. Что только подтверждало его состоятельность как писателя. Семен решил потолкаться в толпе, вдруг подслушает случайно что-то интересное, что даст толчок какой-нибудь новой идее, поможет сдвинуть роман с мертвой точки?

Как всякий писатель, он был наблюдателен и хватался за каждую интересную деталь в окружающем мире, точно скупой рыцарь, – пускай богатство накапливается. Только, в отличие от скупого рыцаря, свое богатство он не держал под замком в потайных подвалах, а в нужный момент извлекал для сюжета нечто, похожее сначала на тусклое стеклышко – кусочек чьей-то жизни. И это тусклое стеклышко он умел довести до огранки алмаза, снова и снова шлифуя деталь-заготовку.

Народ возвращался домой после трудового дня, штурмом брал городской транспорт, владельцы машин лихо выруливали от тротуаров на оживленный проспект, чудом не сталкиваясь и не сшибая пешеходов. Рабочая неделя подошла к концу, и многие граждане прогулочным шагом, не спеша, дефилировали мимо магазинов. Вот к таким группам и пристраивался Семен, прислушиваясь к разговорам. Две юные девушки громко планировали ночную вылазку в модный клуб. В женских нарядах, так живо обсуждаемых девчонками, он разбирался плохо. А их потенциальные кавалеры, достоинства которых они вслух оценивали, и вовсе вызвали у него тоску. Ночью Семен предпочитал спать. В общем, он не почерпнул ничего интересного из оживленного разговора подружек.

Муж с женой советовались, кому сплавить на ночь детей, чтобы оторваться в компании бывших одноклассников. Семен понял, что обе бабушки молодой четы совсем не спешат обвешивать себя драгоценными внуками. Родители тем временем переключились на соседей, вспоминая, кому в последний раз доверяли своих чад. Сошлись на том, что баба Нина давненько их не выручала, да и берет она за пригляд недорого. Повеселевшие супруги, взявшись за руки, ускорили шаг и понеслись почти вприпрыжку, лихо обгоняя прохожих.

Двое солидных мужчин в одинаковых меховых шапках средней заношенности остановились у привлечшей их внимание машины и начали обсуждать ее технические достоинства. Наконец пришли к общему выводу, что на обслуживание иномарки денег не напасешься. Лучше копить на культиватор. Если сброситься обеими семьями, можно запросто скопить на столь необходимую на дачном участке технику. К тому же до дачного сезона времени навалом, скоро выдадут долг по зарплате, нужно сразу отложить пару сотен в фонд будущей

покупки. К лету и наберется само собой. Пройдя несколько шагов, они остановились у витрины магазина спорттоваров и стали советоваться, какой лучше выбрать велосипед. Хорошо бы на десяти скоростях, но если хорошенько подумать, то на кой они нужны? По грунтовой дороге любой велик сгодится. У соседа Петьки велосипед хоть и старый, и колеса восьмерки выписывают, но в поселковый магазин можно и на нем смотаться. Мужики вспомнили, что на дворе январь, велосипед сейчас вроде бы и вовсе ни к чему. Тем более, его и хранить-то негде. С облегчением отвернулись от витрины и, не сговариваясь, завернули в пивбар.

Семену не хотелось и пива. Почему-то заминка в работе резко сузила его интересы и желания. Немного разочарованный скудными впечатлениями, он решил подъехать к дому на троллейбусе. Втиснулся с трудом в салон, зато оказался лицом к окну. Впереди трюхал желтый пикап, на пыльном задку которого кто-то пальцем написал большими буквами сообщение всем следующим за ним автолюбителям: «Угадай маневр. Очумевший. Путаю педали».

У Семена поднялось настроение. Народ у нас веселый, готов ради культиватора от иномарки отказаться, легко меняет десятискоростной велосипед на ржавую рухлядь, а главное – проявляет заботу о ближнем. Не каждый станет предупреждать, что у него не все в порядке с головой. И с ногами тоже.

Дома, чтобы не портить себе настроение, Семен даже не стал включать компьютер. Но и сидеть в полной праздности тоже не хотелось, за людьми интересно понаблюдать и в окно. Благо жил он на втором этаже и иногда даже находил интересные типажи, не вставая из-за письменного стола. А народ за окнами с каждым годом становился все интереснее и чуднее. То неведомо откуда к ним во двор занесло индусов – у кого-то они снимали квартиру, и Семен уже знал всех их в лицо. Одного – толстого и в летах, второго – молодого и стройного, и совсем худенького подростка. Вон как раз поскакал толстый, причем на костыле. Надо же, а неделю назад еще вроде целый ходил, без костыля, очень важный, пузом вперед. Где-то оступился на русских просторах. А вон и молодой мексиканец прошел, тоже очень важный.

Что этот человек – мексиканец, Семен узнал случайно от соседки Райки, Колькиной жены, которая однажды поведала ему о происхождении смуглого красавца. Она явно завидовала русской супруге этого мексиканского мачо. «Ты глянь, Семен, баба – совсем как бледная моль, смотреть не на что, а мужа-мексиканца себе отхватила!..» – обратила она внимание соседа, когда он входил в подъезд. Было это лет шесть назад. А цепкая память Семена эту информацию задержала и отправила в копилку к прочим наблюдениям. Год назад во дворе появилось негритянское семейство. Метиска-мать – русскоговорящая, с армянским акцентом, волосы густые, черные, завязывает в длинный лошадиный хвост, глаза косят в разные стороны. Поэтому она ни с кем не здоровается. Не может сфокусировать взгляд и никого не узнает. А муж и дети – натуральные негры. Лица шоколадные, глянцевые, глаза озорные, одеты всегда в яркие одежки с Черкизовского рынка. Поселились в подвале. Каким-то чудом заморскому папаше удалось выкупить подвальное помещение, отремонтировать его и раскинуть там свой семейный шатер. По вечерам они не задвигали шторы, и все желающие могли через окно смотреть телесериалы на огромном экране их домашнего кинотеатра.

Прошел сумасшедший из второй квартиры, его путь пересекся с сумасшедшей из соседнего подъезда. Мужик топал в растянутых, обвисших трениках и в зеленой военной рубашке. И это по морозу! В руках он бережно нес что-то маленькое и невидимое. Наверное, на помойке нашел. Он с помойки и одевался, и кормился. А сумасшедшая просеменила с почтовой сумкой на плече. Семен ее как-то встретил на почте. Выходит, не зря эту сумку таскает. Не для понта. Он сам видел, как она опускала газету в почтовый ящик. Она жила у него за стеной и часто ночью сквозь сон он слышал глухие удары у себя над головой. Наверное, соседка была тараканов или клопов. Так Райка ему сказала. По-соседски предупредила, чтобы знал, чего опасаться, если вдруг неприятельская армия попрется через отдушину занимать его квартиру.

– И книги у нее почитать не бери ни в коем разе! – Райка решила проявить заботу о соседе на полную катушку. – А то я как-то взяла, а там между страницами – клоп! Спасибо, что дохлый!

Ее предупреждение удивило Семена дважды. Во-первых, потому, что Райка, оказываясь, не только пьет по-черному на пару со своим благоверным, а еще и книги читает. А во-вторых, у почтальонши, с виду совсем дефективной особы, имеется, подите-ка, библиотека. Даже если она состоит из трех книг, все равно вероятность того, что они прочитаны, очень высока. Ведь рекомендует же она их почитать своей знакомой! Значит, хочет разделить свои впечатления с близкими людьми.

Пусть не клопы, но один таракан от соседки как-то все-таки просочился. Семен вовремя увидел его и без сожаления пристукнул. Наверное, это был разведчик. Остальные испугались и больше не совались. Это тоже как-то утешало. Семен однажды прочитал, что тысяча взрослых тараканов съедает за год около десяти килограммов пищевых продуктов. А пойди их сосчитай, если они гнездятся в самых недоступных местах! К счастью, убедиться в этом у него случая не представлялось. Но однажды из разговора двух своих приятельниц, которые обсуждали проблему размена квартиры, он услышал совершенно дикую историю. Якобы одна из них пришла по объявлению к старушке и видела, как вся стена у нее на кухне была облеплена тараканами. В стене проходила труба с горячей водой и тараканы устроили на этом месте массовое лежбище – тараканью колонию. Семен очень сомневался в достоверности этой истории. Но картина представлялась столь яркой, что вполне тянула на сюжет для фильма ужасов.

А это еще кто такие? Похоже, новые соседи. Опять из дальних стран, да много-то их как! Веселой неторопливой гурьбой прошли четверо китайцев и остановились у подъезда дома напротив. Оказалось, поджидали остальных. Следом подтянулись еще пятеро. Мать честная, где же они там помещаются? Кто же приютил эту небольшую китайскую деревеньку? Пока Семен размышлял над восточной загадкой, они уже дружно втиснулись в подъезд, и вскоре их десант высыпал на балкон второго этажа, с любопытством оглядывая окрестности. Видимо, уютный дворик с вековыми деревьями им понравился. Они радостно погалдели и скрылись за дверью.

Семен поселился в своей квартире шесть лет назад, когда на домашнем совете они решили, что бабушка уже нуждается в постоянной помощи, а ездить к ней каждый день очень хлопотно. Проще произвести родственный обмен. Тогда мама будет ухаживать за бабушкой в собственной квартире, а Семен переселится в бабушкину. Таким образом решатся сразу две проблемы. И бабушка будет под приглядом, и внук наконец обзаведется отдельным жильем. У старшего брата, Александра, на то время уже была своя квартира. Все остались довольны, хотя переселение очень смахивало на светопреставление. Бабушка стойко боролась за сохранение каждой памятной ей тряпочки или пожелтевшей от времени бумажки. Целый узел потрепанных старинных кружев просто прижала к груди и не выпускала, пока ее вместе с ним не посадили в кресло в ее новом местопребывании. К слову сказать, комнату ей выделили самую светлую, с окнами на восток. Бабушка любила просыпаться вместе с первыми солнечными лучами, поэтому на окнах у нее никогда не было плотных штор, а только легкий тюль. Когда в ее квартиру переехал Семен, на второй же день он повесил на окна плотные шторы. Как-то неуютно было жить под наблюдением всего двора – комната была темновата и приходилось рано включать свет. А соседи оказались любопытными, могли запросто остановиться под окнами и завороченно наблюдать чужую жизнь. Вместо кино и цирка. Естественно, ему в наследство от бабушки вместе с квартирой достались и все соседи. Этаким солидным довеском. Поскольку бабушка прожила в этом доме лет пятьдесят, всех знала, и к ней относились с большим уважением. Во всяком случае, соседи частенько обращались к ней за советом. И она, важно восседая в мягком кресле, как на коро-

левском троне, выносила свое решение – в основном ей приходилось примирять враждующие стороны. Как-то ей это удавалось делать без особых усилий. Выслушав обе стороны, она оглашала свой вердикт, медленно подняв руку, будто собиралась благословить очередного жалобщика. На нее же смотрели зачарованно. Если Семену удавалось присутствовать на таком высочайшем приеме, то заключительная сцена приводила его в священный трепет. Бабушка напоминала ему английскую королеву.

К Семену, слава богу, соседи захаживали не так часто, разве что перехватить деньжат взаймы или оставить ключи для забывчивых членов семьи. И все свои представления о дворовой жизни он в полной мере получал, сидя за письменным столом и глядя в окно. Семен никому бы не признался, что он обожает подглядывать. Он не считал это дурной привычкой, ведь писатель должен быть человеком наблюдательным и любопытным. И эта природная любознательность не раз сослужила ему добрую службу. Многие его герои были не придуманы, а взяты из реальной жизни. И когда он создавал очередной образ, наблюдая человека или в толпе, или увидев его в окне своего кабинета, герой сам вел его за собой по сюжету, иногда удивляя неожиданными поступками. Но Семен не давал ему особо своевольничать. Он любил повелевать людьми, и поскольку в жизни это было не так-то просто, мало кто поддавался, Семен осуществлял свои стремления, повелевая героями в книгах. Иногда немного отпускал поводок и только корректировал их поступки, но все же особо разгуляться не давал. И вот сейчас он впервые допустил промашку – отпустил свою героиню в самостоятельное плавание, а когда опомнился, было слишком поздно. Она полностью вышла из-под контроля, и управлять ее поступками никак не удавалось. В реальной жизни он любил управлять женщинами. Оказывается, и придуманной героине нельзя было давать волю.

Самостоятельная жизнь героини его последней книги не заладилась с самого начала. А потом и вовсе пошла наперекосяк. Семен Лодкин так был расстроен первой за многие годы неудачей, что задумывался, не расторгнуть ли контракт с издательством, где ждали его книгу. Но как человек прагматичный он отгонял эту порочную мысль, не давая ей взять верх над здравым смыслом. А смысл своей литературной деятельности он видел, прежде всего, в коммерческом успехе, а затем уже в читательском признании. Хотя, положила руку на сердце, конечно, шумиха вокруг его творений очень радовала Семена. Когда его вторую книгу критики признали «книгой года», Семена охватило ликование. Он чувствовал себя чуть ли не первооткрывателем в современной отечественной литературе. На Западе давно уже существовало такое понятие, как «книга года». А теперь и в России оно появилось, более того, он первый удосужился стать автором такого бестселлера. С появлением третьей книги критики заговорили о стиле, который выгодно отличал Семена Лодкина от других молодых писателей. Наконец-то фаворитом в современной литературе стал мужчина. До сих пор на слуху были только женские имена, которые взлетали на литературный небосклон в ошеломляющем количестве. Это не очень удивляло Семена – девчонки со школьной скамьи писали сочинения лучше, чем ребята, их воображение от природы ярче и богаче. Но то, что происходило в последние годы в книгоиздательском деле, уже не огорчало, а раздражало и вызывало не зависть, а протест.

«Доколе? Доколе эти воздушные создания, которые из вчерашних девчонок с жиденькими косичками легко превратились в деловых и цепких дам, будут оккупировать литературную ниву? Не пора ли мужчинам перехватить пальму первенства? Ведь еще совсем недавно не так уж часто появлялись женские имена, которые привлекали бы внимание читателей. Их вообще, этих писательниц, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А теперь на них ни рук, ни ног не хватало. «Это уже никакая не эмансипация, это уже настоящая экспансия!» – думал Семен возмущенно, когда работал над первой книгой. И тогда же поставил перед собой цель – добиться успеха во что бы то ни стало. Он уже тогда знал, о ком будет писать. Никаких пошлых убийств, никаких детективных расследований, киллеров и менто-

вок – вся современная литература наводнена этими набившими оскомину сюжетами. Он станет писать об успешных молодых москвичах, о современниках, о тех, кого знает. Пускай его читатели узнают в его героях себя, своих знакомых. Им интересно будет читать о близких проблемах, об их преодолении и решении. Книжки будут занимательными, жизнеутверждающими, веселыми, чтобы их было легко и приятно читать, примеряя ситуации на себя. Чтобы пессимисты и неудачники на примере его удачливых героев надеялись и верили, что выход всегда есть. И успеха может добиться каждый. Вот с таким кредо вышел на авансцену молодой писатель Лодкин. И таким его приняли с распростертыми объятиями тысячи читателей. Сказки любят читать не только дети, но и взрослые, тем более, если эта сказка о знакомой им жизни, у нее счастливый конец, призывающий не оглядываться назад, на неудачи, а смотреть вперед – где всех ждет успех.

В юные годы, будучи студентом журфака, Семен твердо усвоил главное правило журналистики – следовать факту. Но его величество факт связывал по рукам и ногам, совершенно не давал развернуться воображению. А тех, кто пренебрегал этим железным правилом и давал волю творческой фантазии, на семинарах и занятиях по творческому мастерству сильно били. Поскольку фантазия у Лодкина была развита чрезмерно и он не в силах был с ней справиться, в конце концов юный журналист перестал сопротивляться ее полету. Но природная смекалка не подвела его и на сей раз. Ему удавалось водить за нос не только всю группу, но и преподавателей. И плоды собственного воображения выдавать за непреложный жизненный факт.

Семен с удовольствием вспомнил свой первый опыт, когда удалось ввести в заблуждение однокурсников, а преподаватель не заметил невинную ложь Семена и объявил его статью лучшей на курсе. Тогда совсем еще неопытный, но вполне сексуально грамотный первокурсник Лодкин выбрал для работы довольно рискованную тему – о ранних абортах и раннем материнстве. Какие-то робкие попытки затронуть эту острую социальную тему на страницах прессы уже появлялись. Но главное все еще находилось «за кадром», в подтексте. Семен был общительным парнем, имел много знакомых в разных слоях общества. Ему одинаково интересно было общаться и с сыном вулканолога Сашкой Долгопятовым, и дочерью дворничихи Гульнарой. По вечерам они собирались на дворовой спортплощадке побросать баскетбольный мячик и пообщаться на разнообразные темы. Как-то Гульнара, еще когда они учились в девятом классе, округлив глаза и перейдя на шепот, рассказала невероятную историю об однокласснице Любаше, которая, оказывается, того гляди родит! Ребята обалдели и сначала не поверили ей. Любаша Сухова была лучшей подругой Гульнары и иногда приходила на спортплощадку посмотреть, как ребята, пыхтя и потев, отнимают друг у друга мяч и носятся с ним под щитами, поднимая тучи пыли. Она была девочкой тихой и скромной и в такие «сумасшедшие» игры не играла. Ее можно было представить только с куклой на руках. В ее-то четырнадцать лет. Она была ко всему прочему и самая младшая в классе. Просто ее мама, отдавая в школу сына Антошу, уговорила директора принять заодно и младшую дочь, которой только что минуло шесть лет. В то время Анна Сухова работала уборщицей в школе, поэтому директор и согласился на явное нарушение. Он принадлежал к тому типу руководителей, которые радели за своих сотрудников, невзирая на их должность. И вот, оказывается, эта инфантильная тихая девочка, которая уже давненько не появлялась на площадке, а в школе сидела, кутаясь в материнскую кофту, ждет ребенка! Ребята бурно обсуждали невероятную новость, с трудом представляя свою Дюймовочку с младенцем на руках. Больше всего их интересовало, кто отец будущего ребенка и как примерная Любаша умудрилась влипнуть в такую историю. Гульнара под большим секретом поведала компании, что у Любаши был парень, «совсем уже старый, ему двадцать лет». И Любаша с ним встречалась втайне от всех. Втайне именно по причине его взрослости. Как все это с ней произошло, она так и не призналась даже лучшей подруге. И ей долго удавалось скрывать свой «грех»